

МОРЮ СНИТСЯ,
БУДТО ОНО – НЕБО

МЕЖДУ СТРАНИЦ

*Когда-то давно знаменитыми были поэты
от слов их и целые страны горели огнём*

В горах я бродил
И меж тенистых деревьев,
Алтари ночи, которых я коснулся,
Навечно останутся во мне.
Заприте меня под замок на тысячу лет —
Я не исчезну,
А буду вечно возрождаться,
 испуская дым во тьме.
Я — эон, проснувшийся в человеке,
Я — тысяча дней, не знающих завтра.

*Гильермо Бенедисьон.
Nuestra Guerra Celestial,
или Наша война в небесах*

Во время пыток восприятие времени и закреплённость во временном континууме размываются... Фернандес исследует отношения между диссоциацией в пространстве, хронологическим опытом и субъективностью памяти, показывая не только как пытки деконструируют человечность жертв, подвергавшихся им при режиме Пиночета, но и как от этого уменьшается человечность палачей и — через них — государства...

*Кристиана Рейес.
Реки несут кровь в море:
государственное насилие в Чили и Махере*

1

*Малага, Испания
1987 г.*

Выходца из Махеры я узнаю в любом городе мира. Насилие оставляет следы, всех нас ужас превратил в братьев и сестёр, в диаспору изгнанников, мечтающих о доме.

На улицах его называли «Око» по очевидным причинам — конечно же, из-за повязки на глазу, но также из-за беспокойной, настороженной манеры держать себя. Предвечерние часы он проводил в парке Уэлин, сидя в тени: на голове соломенная шляпа с широкими полями, с нижней губы свисает балийская сигарета. Из-за повязки на глазу он подходил на ветерана: наверно, мы оба такими и были, хотя тогда я была гораздо моложе его. Я помню, он пах гвоздиками, а вокруг нас пахло морем — его мы не видели, но слышали шипение и ропот волн у набережной Пасео-Маритимо. Тогда я преподавала поэзию и литературное мастерство в Малагском университете, а по вечерам ездила на мотороллере в парк, чтобы подышать морским ветром, выпить в кафе, посмотреть на молодых женщин с бронзовым загаром, сияющих счастьем, — и забыть о Махере.

Джейкобс. ЖИВОЙ РОСКОШНЫЙ АД

О Педро Пабло Видале Кровожадном. О своей семье. Я была молода и очень бедна.

Он и я привыкли к виду друг друга. Оставаясь благосклонным, он всегда пребывал настороже, точно Полифем, наряженный в мятые льняные костюмы и пёстрые рубашки с манжетами, запачканными пеплом. Я же напоминала бледный призрак в очках и, несмотря на жару, ходила вся в чёрном — чёрные платье, блуза, шляпа, солнечные очки, чёрные волосы. Должно быть, имела склонность к мрачному.

Он и я неделями вели ритуал, который другие (но только не махерцы) называли бы брачной игрой: он подходил с газетой под мышкой, опустив лицо так, что на него падала тень, и садился за другим столом, не слишком близко и не слишком далеко, лицом непременно ко мне. Затем клал ногу на ногу и склонял голову так, чтобы здоровый глаз смотрел на меня. Этот человек даже закидывание ноги на ногу мог наполнить бесконечной, упадочной ленью и негой, а когда кивал мне, казалось, будто король приветствует соперника. Или брата — не так уж велика разница между тем и другим. Он казался очень знакомым: я не чувствовала, что мы встречались раньше, но будто видела его в театральной пьесе или по телевизору. Я решила заговорить с ним и удовлетворить своё любопытство.

Однажды так и случилось, но инициатива оказалась не моей. В тот раз он не стал смотреть на меня издали, кивнув, а подошёл и сел за мой стол, ни словом не поприветствовав. Тут же заказал писко и рассердился, услышав извинения официантки, что писко нет. К тому моменту я так привыкла

МОЮ СНИТСЯ, БУДТО ОНО — НЕБО

к его виду, что почти это ожидала — даже самый обыкновенный мужчина готов позволить себе миллион вольностей и грубостей, а Око совершенно точно не был обыкновенным. Я отложила книгу и обратила всё внимание на него.

— Тогда кофе и фернет, — раздражённо сказал он официантке, оповестившей, что кофе с писко выпить не получится, и снова обратил свой исключительный и одинокий взгляд на меня: — Сантаверде.

— Нет, — ответила я.

— Тогда Лас-Палас — определённо Лас-Палас.

— Нет.

Он нахмурился, и я хотела заговорить, но он цыкнул и продолжил:

— Консепсьон — или ничто и нигде.

— Нет, я из Коронады.

— Ага! — он воздел палец, точно изрекая тезис посреди философского салона. — Я почти угадал!

— С каждой догадкой вы всё дальше от цели.

— Как вы проницательны.

— Люди здесь зовут вас «Око» — знаете об этом?

— Имя не хуже любого другого, — пожал он плечами. — Хотите знать моё настоящее имя?

— «Око» мне чем-то нравится больше, — ответила я. Он засмеялся так, что я разглядела серебряные пломбы в задних рядах зубов, а, отсмеявшись, указал на мою одежду: — До сих пор носите траур?

Вопрос застал меня врасплох. Я посмотрела на себя, потом на него и начала говорить:

— Я не хотела казаться в трауре, но...

— Я шучу. Мы, махерцы, всегда будем в трауре. А вы у нас тот ещё книжный червь, — он протянул руку к обложке моей книги — «Прощай, Панама»

Леона Фелипе. Сколько вас вижу, всегда смотрите то в одну книжку, то в другую.

Привыкнув к бестактным мужчинам и их замечаниям о моей «зубрёжке», я только пожала плечами:

— Я преподаю в университете.

— Что преподаёте?

— Поэзию. Современных писателей Южной Америки. Учю литературному мастерству первокурсников.

— Любите свою работу?

Единственный вопрос, которым Око мог бы повергнуть меня в большее смятение — «Есть ли у вас любовница», но этот вопрос ушёл недалеко. Я знала его (и то разве что в том смысле, что мы друг друга видели) слишком мало времени, чтобы вести настолько интимные разговоры.

— Работа есть работа, — ответила я. — Всем ведь приходится работать.

— Работа бывает разная. Она — туннель: какая-то ведёт внутрь, какая-то — наружу.

Странный выбор слов. Мне захотелось записать «туннель» и потом подумать, почему он выбрал именно это слово.

— Теперь моя очередь... — Я чуть не сказала «допрос», но остановилась: существовала немалая возможность, что это выражение вызовет плохие воспоминания. — Задавать вопросы, — неловко закончила я.

Он вынул балийскую сигарету, зажгёт, и в воздух поднялись клубы дыма, пахнущего гвоздиками. По улице ехали машины, шли люди — мама с ревушим ребёнком, влюблённые пары; летнее солнце зашло,

МОРЮ СНИТСЯ, БУДТО ОНО — НЕБО

и воздух остыл, но запах соли и моря никуда не делся. Скоро под фонарями появятся музыканты и танцовщицы в надежде на пару смешков и монет, брошенных пьяницами. Око, по-прежнему молча, сделал глоток фернета, потом глоток кофе, потом затянулся сигаретой.

— Что у вас с глазом? — спросила я.

— Он видел слишком многое, и я его выколол.

— Выкололи?

— Удалил.

— Вы шутите.

— Неужели похоже? Любите кино?

— Конечно, люблю, но деньги бывают нечасто.

— Хотите, сходим вместе? За мой счёт,— опрокинув бокал, Око заёрзал на сиденье, словно готовясь уходить. Неожиданный поворот беседы — возможно, дело было в том, как неожиданно и просто я призналась в своей бедности.

— Да,— сказала я.

Не то чтобы Око мне нравился, но он не нравился мне так, как может не нравиться дядя или двоюродный брат. Он был интересным — и таким знакомым.

Мы договорились о встрече, он допил кофе и даже гущу, и встал со словами:

— Теперь всю ночь не усну.

Бросил на стол деньги, но в десять раз больше, чем был должен. Я сказала ему об этом, но он ответил:

— Возьмите, купите себе книжку — у меня денег хватает. Мне хочется тратиться на молоденьких девушек, так позвольте делать это так, чтобы за мной не пришли с вилами.

Джейкобс. ЖИВОЙ РОСКОШНЫЙ АД

Мы договорились встретиться в этом же кафе на следующий вечер, в воскресенье, и всё утро я не могла избавиться от чувства, что видела этого человека где-то — не в Испании. Итак, мы встретились в «Кафе де Сото» и направились на Калье-Фригильяна — в те времена там было много маленьких кинотеатров и ночных клубов. Я хотела на «Закон желания» Альмодовара, но Око только фыркнул и потребовал дойти до «Синема-Ла-Плайя» — убогого местечка, где показывали только мексиканское кино, в основном ужасы и боевики про лучадоров¹. Он выбрал фильм «Veneno para las hadas», «Яд для фей», провёл меня в атриум и купил нам пива и попкорна. Фильм оказался несвязной историей о том, как две девочки открыли для себя колдовство и это плохо кончилось. Око громогласно смеялся в самые неподходящие моменты, пугая меня, а когда одна девочка заперла другую в сарае и подожгла его, он заорал, будто осёл — я испугалась, что он сейчас поперхнётся.

После кино мы сели пить в «нашем» кафе.

— Ну, вам понравилось?

— Ужас,— ответила я.— Не понимаю, почему вам нравятся такие мрачные и кровавые фильмы? После всего, что мы перенесли?

Он устремил на меня пристальный взгляд — как ни странно, благодаря одному глазу тот казался ещё сильнее, чем был бы с двумя. Невзирая на это, я видела, что мой спутник в хорошем настроении, хотя не собирается извиняться за фильмы, которые предпочитает.

¹ *Борцы луча либре* — мексиканского стиля профессиональной борьбы.

— Вы не знаете, через что я прошёл,— сказал он,— а я не знаю, через что прошли вы. За каждой и каждым, под их поверхностью, лежит бесконечность. В мире всегда будет несчастье — в этот самый момент где-то умирают бесчисленные дети, некоторые даже здесь,— он махнул рукой, указав на город вокруг.— Каждая ночь может стать последней.

Летний сад вокруг кафе покоился под навесом листвы, и мой спутник поднял на ветви отсутствующий, «далёкий взгляд», как пелось в песне Rolling Stones. Когда я училась в школе в Буэнос-Айресе, одна из моих девушек постоянно пела мне эту песню на корявом английском. Её звали Марсия Алаведес — давно уже не вспоминала о ней. Она была настоящим ходячим бедствием, но иногда я по ней скучала, как скучают по дорогим сердцу ошибкам — в основном по вечерам или в те моменты, когда хотелось прогнать из носа запах Малаги. Марсия часто вывозила меня на мотоцикле за город; мы долго носились вместе по аргентинским магистралям, и в такие моменты — когда я держала её руками за талию, прижавшись головой к крепкой спине, когда нас, словно кокон, окружал свист мотора и ветра — Марсия была по-настоящему чудесной. Но стоило мотоциклу остановиться, как она превращалась в ходячую катастрофу.

Око молча смотрел на деревья, будто ему открывалось нечто новое и не очень благоприятное.

— Несчастье — то, что гарантировано нам всем,— продолжал он.— Но на экране, под лучом проектора, оно такое крошечное. Как маленькие ведьмы! — он показал пальцами на столе, как те танцуют.— В следующий раз будем смотреть, как

рестлеры сражаются с вампирами. Вот тогда вы, может быть, поймёте.

Мы пили, пока не начали шататься, а потом я попрощалась. В следующее воскресенье мы смотрели фильм про музыканта, который умел играть песню, убивающую вампиров; в следующее — про рестлера в маске, который сражался против голема; в следующее — про стадион, где жило привидение злобно-го лучадора; и так далее, и тому подобное, неделя за неделей. Око каждое воскресенье смеялся весь фильм. Мы привыкли друг к другу, и наши отношения — дружбой их назвать нельзя — продолжали развиваться. Между нами существовало нечто большее, чем дружба — мы были изгоями, нашедшими друг друга.

Однажды он забыл на столе кошелёк, и только тогда я узнала его настоящее, крестильное имя. Взяла бумажник, открыла и вынула испанские водительские права.

Рафаэль Авенданьо.

2

Рафаэль Авенданьо — имя, известное каждому махерцу. Если Пабло Неруда — наиболее прославленный среди южноамериканских поэтов, то Авенданьо, сын фантастически богатых родителей, — наиболее ославленный. Однажды, узнав посреди коктейльной вечеринки, что жена изменяет ему, он ударил её ножом — правда, ножом для фруктов, и она, к несчастью для Авенданьо, выжила, забрала дочь и запретила отцу с ней видеться.

МОРЮ СНИТСЯ, БУДТО ОНО — НЕБО

